

(1)Моё детство прошло в глухой ангарской деревне, в четырёхстах километрах от Иркутска. (2)Жили мы бедно, и не мы одни, вся деревня жила бедно, земли для хлебов были худородные, мошка (мелкий гнус) заедала скотину, которая днями во всё лето спасалась только под дымокуром и лишь на короткие ночные часы выбегала на выгон. (3)Да и сами мы ходили в сетках из конского волоса, натягиваемых на голову, мазались дёгтем. (4)Колхоз наш не вылезал из долгов, они время от времени списывались и снова нарастали, и жила деревня огородами. (5)Да ещё тайгой и Ангарой.

(6)Но бедность быта никак не влияла на богатство души. (7)Судьба моих односельчан и моей деревни почти во всех книгах. (8)И их, этих судеб, хватило бы ещё на многие. (9)Будь у меня три жизни и пиши я в десять раз быстрее (а я всегда писал медленно), то и тогда мне вполосину не выбрать судеб, которые складывались только в одной нашей деревне, тихой, незаметной, полусонной. (10)Но в этой неказистой деревне жила часть русского народа, пусть очень малая часть, но той же кости, того же духа, сохранившегося ещё и лучше, чем в людных местах, на семи ветрах. (11)Да и что такое «полусонная» деревня, если этот народ жил в беспрестанных трудах, играл свадьбы, рожал детей и воспитывал их, хранил традиции, держался вместе и не гнался за «современностью»?

(12)А как говорили у нас в деревне, как говорили! (13)Баско баяли – метко, точно, не растекаясь мыслью по древу. (14)У нас все знали уйму пословиц, без них речь не лепилась. (15)Все имели прозвища, пристававшие намертво. (16)Одним словом умели сказать многое, словесная мелочь была не в ходу.

(17)Болтливость высмеивалась. (18)По русскому языку, да позволено будет так выразиться, ходили пешком, по-рабочему, а не разъезжали в лимузинах. (19)И какая же это была живая речь! (20)И так мне хочется передать хотя бы часть этой простой красоты деревенского языка в своих книгах!

(21)Должен признаться я в грехе: было время, когда я, смущённый университетом, образованием, стал стыдиться своего деревенского языка, считать его несовременным. (22)О, эта «современность», скольким она закружила головы! (23)Позже я прочитал у Шукшина, что и он, попав в Москву, прикусывал своё простонародное слово, стараясь говорить на городской манер. (24)То же самое было и со мной в Иркутском университете. (25)Как же – ведь я изучал теперь Гомера и Шекспира! (26)Надо было соответствовать филологической выправке, не показывать себя лаптем. (27)Вынесенный из деревни язык, конечно, нуждается в обогащении... (28)Но в обогащении, а не замене. (29)Я и не подозревал, каким владел богатством, затапкая его поглубже и с удовольствием названивая всякими «эквивалентами» и «экзистенциализмами». (30)И даже когда начал писать – начал вычурно, неестественно. (31)О самых первых своих опытах я стараюсь не вспоминать, там были и Хемингуэй, и Ремарк, и Борхерт. (32)Выручила бабушка, моя незабвенная Марья Герасимовна. (33)Когда я задумал рассказ о ней, тот самый, где она Василиса, эта самая Василиса решительно отказалась говорить на чужом языке. (34)Я и так и этак, послащивая городским, давал для утешения погорчить во рту деревенским – ничего не выходило. (35)Пришлось подчиниться. (36)Мне с самого начала следовало догадаться, что их «в одну телегу впрячь невозможно». (37)Получив своё слово, Василиса сразу заговорила легко – и заставила освободиться от вычурной «книжности» и меня.

(38)Меня много упрекали за сибирский диалект, которым я пользуюсь якобы без меры. (39)Но что такое диалект? (40)Это местные прибавки к языку, заимствования от местных народов, подеёрнутые под нашу речь, обозначение областной предметности. (41)Пользоваться диалектом действительно нужно разумно. (42)Но ведь за диалект зачастую принимают сам досельный русский язык, его заглубленную позднейшими наростами корневую породу. (43)А её предлагают зарыть ещё глубже: своё зарыть, а чужое, валом повалившее из «красивых» стран, принять с великими почестями.

(44)Ничего плохого, я считаю, нет в том, если читатель, встретив незнакомое слово, пороется в памяти, пороется в словарях и – вспомнит, ещё на одну крупницу обогатится родным, удерживающим нас в отчих пределах. (45)Это не может быть только филологической радостью: смысловой звук, вставший на своё место, – это радость исцеляющегося человека.

(По В.Г. Распутину)